

АЛЕКСАНДР МОРЕЙНИС

СЮДИ И БОГИ ТРИПТИХ

Александр Морейнис

Люди и боги. Триптих (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206786

Аннотация

"От первого выпада Минотавра я сумел увернуться, увернулся и от второго, но за вторым последовал третий, и на сей раз мне не удалось отпрыгнуть на безопасное расстояние – помешала стена; острый рог, пройдясь по бедру, вспорол его. Широкой торопливой струей излилась из раны кровь, вмиг на земле образовалась большая ярко-красная лужа. От боли, от неожиданности я закричал. Одновременно со мной вскрикнули наблюдающие за схваткой афиняне, каждый из них понимал: моя жизнь – его жизнь.

О, Афродита, защитница моя, взмолился я, будь милосердной, не дай упасть мне, обескровленному, ослабленному, ощутить в теле своем рога и зубы отвратительного этого существа.

В очередной раз бросился на меня Минотавр; на сей раз, отскочив в сторону, сумел я схватить его левой рукой за рог, величайшим напряжением сил пригнул к земле, и вонзил в загривок меч. Пришел черед излиться его крови. Страшно взревел человеко-бык, обмякнув, стал оседать. Он еще не достиг земли, когда получил второй удар, на сей раз сбоку в шею, смертельный. Недолгая агония, и застыл Минотавр, застыл навсегда.

Но торжествовать победу мне не пришлось: в глазах вдруг помутилось, стены и потолок Лабиринта, качнувшись, вдруг поменялись местами, после чего их поглотила темень – я упал без чувств, упал рядом с побежденным чудовищем, и кровь из раны моей смешалась с его кровью..."

Содержание

Люди и боги. Триптих	7
Неугомонный	7
Безумие (из «Илиады»)	46
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Морейнис

Люди и боги.

Триптих. Рассказы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Люди и боги. Триптих

Неугомонный

Есть две разновидности подвига. Одна: подвиг рядового участника баталии, что с оружием в руках, плечом-к-плечу с боевыми товарищами бежит навстречу врагу, навстречу смерти; и вторая: героическое действие, совершенное по личной инициативе, когда имея выбор: рисковать – не рисковать, человек выбирает: рискну.

И еще две, но не разновидности, а составляющих: героическое действие само по себе, и информация о нем, ее правдивость и распространенность. В самом деле, что тот подвиг, если личность, его совершившая, по причине той или иной не упомянута в протоколе, рапорте, реляции, даже в газетенке самой куцей о ней ни слова. Герой не назван героем, замолчан, забыт, именем его не назовут корабль, улицу, стадион, и далекой ночной планете не носить его имя. При этом знает история и обратное: действие ординарное, однако толково отображенное в документике – эх! – и вознесло скромнягу мужа на вершину общественного почитания: он и герой, страха не ведающий, и храбрец из храбрецов, он идол поколений – своего и грядущего. Вот уж воистину: подвиг – сам по себе, слава – сама по себе, и далеко не всегда одно на

другое Судьбой оказывается наложенным.

Тесей

Совершая первые свои подвиги, я, совсем еще юноша (сколько мне было – шестнадцать? семнадцать? – точно и не припомню), даже представить не мог, что останутся они незамеченными, неоцененными. Как же так! Не может такого быть! Это возмутительно, несправедливо! Кто-то ведь должен, обязан разнести по миру весть о мною содеянном. Кто угодно – звери, птицы, ветер, река, морской прибой, облака, по небу плывущие... Но нет и нет, никто кроме людей весть эту (ровно как и любую иную) распространить не способен. Ну а люди... А люди – ничего. Лишь только в поселения, расположенные по пути моего следования из Троицен в Афины, переставали поступать сведения о том или ином злодее, наводившем ужас на округу, – как о нем тут же забывали. И ни малейшего интереса – ни к причинам его исчезновения, ни к подробностям: убит ли, если да, то кем, каким образом; ранен ли и лежит обессиленный в пещере своей; сменил ли место обитания, стоит ли ждать его возвращения...

Никому – ничего. Был злодей – не стало злодея – ну и ладно.

А ведь подвиги те мои... Какой еще герой греческий может похвастаться подобными? Разве что Геракл, сын Зевса.

Вот далеко не полный перечень разбойников, освобождению от которых греки обязаны мне, Тесею.

Перифет, сын бога-кузнеца Гефеста. Сколько лет прошло, а помню облик его так, словно встречались не далее как вчера. Бочкообразное волосатое туловище, беспорядочно торчащие волосы, длинные, чуть ли не до колен, руки – внешностью злодей полностью соответствовал своей сути. Громадной палицей с железными гвоздями на конце он проламывал головы всем, кто имел неосторожность попасться ему на глаза. В жестокой схватке я победил Перифета и завладел его палицей. Впрочем, в дальнейшем ее так и не применил, закинул далеко в лес – не желаю держать в руке то, чего касался хладнокровный убийца.

Синид. К притянутым друг к другу верхушкам двух сосен он привязывал жертву, после чего обрубал сдерживающую веревку, и сосны, распрямляясь, разрывали несчастного. Многих лишил жизни безумец Синид, и продолжал бы вершить свое кровавое дело, но положил я этому конец – его же способом его и умертвил. Наказание равное преступлению – что может быть справедливей?

Прокруст. Этот изверг клал жертву на им же изготовленное ложе и, если оно оказывалось слишком просторно, специальным механизмом с множеством блоков вытягивал несчастного; если коротко – со смехом обрубал ноги. Такие вот не слишком утонченные шуточки. На глаз измерив истязателя, я определил, что ростом своим он ложе превосхо-

дит ровно на голову. Отрубив ее острым мечом, я сравнял Прокруста, вернее, то, что от него осталось, с кроватью. Почему-то в последние минуты жизни своей весельчак не улыбался.

Скирон. Заговаривая путников сладкозвучной беседой, он подводил их к пропасти и сталкивал. Усыпив мою бдительность, попытался столкнуть и меня, да не тут-то было – я оказался проворнее: увернувшись, схватил хитреца за ноги и, прокрутив, сбросил самого. Кувыркаясь в воздухе, беспорядочно размахивая руками и ногами, Скирон пытался что-то донести до моего слуха, но я так не сумел понять что именно – помешало эхо. Хотел переспросить, но – вот досада – было уже поздно.

Царь аркадский Керкион. Сколь сильный, столь коварный, он заставлял проходивших по его землям мужей бороться с ним. Если противник оказывался слабее, убивал его тут же – переламывал шею, если сильнее – отпускал... вернее, делал вид, что отпускает; дождавшись, когда тот повернется, вонзал в спину кинжал. Схватившись с Керкионом, я сумел поднять его, после чего перевернул головой вниз и со всего маху ударил о землю. Был Керкион, не стало Керкиона – испустил дух.

Еще я освободил окрестности Марафона от дикого быка, что вытаптывал урожаи, нес смерть сеятелям и жнецам. Стремительный бросок животного я оборвал ударом меча, в самое сердце.

Вот такие – если без ложной скромности – героические деяния. Однако, совершенные в одиночку, да вдали от глаз людских, они остались безвестными.

Я пребывал в состоянии растерянности, если не сказать, отчаяния. Как быть, что делать? Не орать же во всю глотку. Эй, люди, мужи и женщины греческие, дети и старики, да будет вам известно, что это я! я избавил вас от такого-то разбойника-убийцы. И от такого-то чудовища – тоже я! И от третьего, и от четвертого – всех их победил я, Тесей, сын бога морей и океанов Посейдона! Так не молчите же, люди, пойте в мою честь дифирамбы и слагайте стихи, устраивайте празднества и соревнования, устилайте путь мой дорожками из цветов.

Но нет, не стал я себя превозносить. Если б и заслужил славу, то славу безудержного бахвала. И нанимать людей, чтоб славословили меня, тоже не стал – подобное недостойно благородного мужа. Но что ж тогда? – А ничего. Пусть остается все так, словно ничего не произошло.

Но ведь это несправедливо! Обидно. До слез обидно!

И обратился я тогда за помощью к заступнице моей, Афродите, прекрасной и мудрой, и явила милость богиня, помогла мне обрести признание всей Греции.

Ариадна

Это наказание отцом моим, царем Крита Миносом, было

назначено афинянам за убийство его сына, моего старшего брата, Андрогоя. Обязал он Афины раз в девять лет присылать на Крит семь юношей и столько же девушек, коих отцовы слуги отводили на растерзание Минотавру, свирепому чудовищу с головою быка и туловищем человека, обитавшему в громадном здании с великим множеством запутанных ходов – Лабиринте.

И вот перед восседающим на троне Миносом (рядом с ним я, дочь его Ариадна) стоят очередные афинские жертвы. Среди них выделяется молодой муж, высокий и стройный, синеглазый, с выющимися до плеч волосами, в удлиненном дорогом одеянии, какое носят представители высшей греческой знати. Муж взирает на нас, царских особ, на стоящую за тронном свиту, на весь окружающий мир взглядом столь спокойным, словно знать не знает, даже не догадывается о предстоящей в скором времени жуткой смерти. На вопрос царя – каково имя этого гордеца – угодливый советник сообщил шепотом из-за спины: Тесей, мой царь, таким именем назвал себя этот афинянин.

Тесей... Какое благозвучное имя, подумалось мне, как славно сочетается оно с привлекательной внешностью мужа. А чуть позже Тесей удивил меня (и не только меня – всех присутствующих) еще более. Когда отец презрительным тоном заговорил с одной из девушек, Тесей вступился за нее.

– Великий царь, деву младую, ни в чем не повинную, ты обрекаешь на жестокую смерть, так хоть избавь ее от грубо-

стей, – вот что сказал он.

От таких слов отец на какое-то время потерял дар речи: никогда, ни один смертный – ни критянин, ни чужеземец – не позволял себе разговаривать с ним в таком тоне. Придя в себя, вскричал:

– Да кто ты такой, афинянин, чтоб указывать мне, Миносу, сыну Зевса, похитителю многих и многих греческих царств, твоих родных Афин, в частности, как с кем разговаривать.

Однако, Тесея гнев отца ничуть не смутил: ни один нерв не дрогнул на лице его; взгляд прекрасных синих глаз продолжал излучать спокойствие.

– Ты сын Зевса, – произнес он, – но и я не из простолюдинов. Да будет известно тебе, что отец мой – бог морей и океанов Посейдон.

Минос недоверчиво усмехнулся.

– Я много слышал о лживости афинян, их непомерном самомнении, но действительность превосходит слухи даже самые невероятные: передо мной, оказывается, сын самого Посейдона...

От этих слов вспыхнуло лицо Тесея, рука дернулась к поясу, но, не найдя там искомого – рукоятки меча, – обмякла, повисла. Опустил низко голову афинянин, побелевшими губами прошептал что-то тихое и долгое.

Бессилие мужа развеселило Миноса еще более.

– Вы посмотрите, критяне, какой он вспыльчивый! Слов-

но молния Зевса Громовержца, ударившая в сухое дерево и воспламенившая его. Ты, афинянин, лучше б гнев свой приберег для Минотавра – скоро, очень скоро тебе придется с ним встретиться.

Улыбаясь, Минос повел головой из стороны в сторону, словно приглашая присутствующих разделить его веселье, и тогда громким смехом залились царские советники и слуги, смех подхватила многочисленная челядь. Смеялись долго, старательно, со всхлипываниями, утирая слезы, но стоило царю вскинуть руку – вмиг наступила тишина.

– Ну что ж, Тесей. Если в самом деле ты сын Посейдона, докажи это. Вот тебе задание: достань со дна морского это кольцо.

Стянув со своего пальца широкое – на всю фалангу – кольцо из чистого золота, отец размахнулся и закинул его далеко в море. В следующий момент афинянин скинул длинное свое одеяние, разбежался и прыгнул в воду. Доплыв до места, куда долетело кольцо, набрал полные легкие воздуха и ушел под воду.

Прошла минута, две, пять, десять, пятнадцать... Ни один смертный не способен находиться под водой так долго. Все стоящие на берегу пребывали в уверенности, что Тесей погиб, утонул. Наверняка многих посетила мысль: смерти в пасти чудовища смельчак предпочел смерть в морской пучине.

По щекам моим потекли слезы – и не припомню, когда такое было со мной в последний раз – в далеком-далеком

детстве. Украдкой – никто не должен видеть, как плачет царская дочь – я смахнула их. Здесь, на Крите, многие мужи, прекрасные внешне, смелые и честные, из богатых и знатных родов добивались моей благосклонности, но никто из них не понравился мне настолько, чтоб получить мое согласие. И вот этот отчаянный афинянин, едва появившись на острове, сумел зародить в сердце моем чувство столь сильное...

Однако, все на берегу находящиеся, и я в том числе ошибались: смертный час героя еще не настал. Как позже поведал мне сам Тесея, уже под водой он был подхвачен быстрым посланцем Посейдона и доставлен в его сверкающий подводный дворец. Бог морей и океанов, чрезвычайно обрадованный встречей, отставил в сторону трезубец – символ своей неограниченной власти на воде и под водой – подошел к сыну и крепко обнял. Затем вручил брошенное Миносом кольцо. Жена же Посейдона, младая Амфитрина – ее, как и любую женщину, не смогла оставить равнодушной красота Тесея – возложила на его голову золотой венок.

Когда над поверхностью воды появилась золотом увенчанная голова Тесея, стоящие на берегу вскрикнули от удивления. Не совладав с собой, вскрикнула и я: о боги, какое счастье видеть его живым! Слезы вновь полились по щекам моим, но на сей раз это были слезы радости. И подумала я тогда: сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти от смерти этого смелого, благородного и – нет смысла скрывать это от себя самой – желанного мужа.

Тесей

Слепяще-белый солнечный круг еще не оторвался от линии земли, а на главной площади Афин уже собралась громадная толпа – мужчины, женщины, старики, представители всех сословий – от подметальщиков и уличных торговцев до высших сановных особ. Громкие возбужденные голоса слились в единый несмолкающий гул, и гул этот разнесся далеко за пределы площади. Сегодня – тот день, которого девять лет с содроганием ждут афиняне: именно сегодня будет брошен жребий, и назовет он четырнадцать несчастных – семь юношей и семь девушек, – которым надлежит отбыть на остров Крит, где по велению жестокого царя Миноса их, безоружных, втолкнут в Лабиринт, и там они будут съедены человеком-быком Минотавром.

Недолгие приготовления, и вот верховный жрец провозглашает: приступить к действию. Один жребий тянут девушки, второй – юноши. Вид жребия таков: на столе (точнее, на двух столах – один для дев, другой для юношей) в ряд выложено множество обрезков веточек; все обрезки равны меж собой, за исключением семи – семь длиннее остальных. Разновеликие концы прикрыты долгой деревянной доской, выглядывающие выровнены в линию. Как только все семь длинных на двух столах будут вытянуты, жрецы возвестят о конце жеребьевки.

Бледнеют лица подходящих к жребию, дрожат руки. Одна из дев, еще не дойдя до стола со жребием, падает без чувств.

В шеренге мужчин мое место ближе к концу; мне известно, что четыре из семи длинных уже вытянуто; через несколько минут оказывается вытянутой и пятая веточка, а значит, вероятность того, что одна из двух оставшихся достанется мне, весьма низка. Все ближе и ближе я ко столу... Вот уже и шестая длинная в руке у юноши; худощавый, невысокого роста, глядит он округлившимися от ужаса глазами на веточку – смерть свою – и не может поверить. Вдруг движимый какой-то внутренней силой, я отстраняю череду стоящих предо мной мужей, подхожу к столу со жребием, откидываю брус, и, ладонью сметя оставшиеся веточки, выкрикиваю:

– Я седьмой.

Многие тысячи пар глаз – мужских и женских – на меня. Во взглядах восторг и удивление, и еще какие-то чувства, определить которые мне не по силам. Кто-то тянет ко мне руки – прикоснуться к одежде; кто-то, в отдалении, просит, чтоб хоть на секунду приподняли – взглянуть на меня.

Многие афиняне – и друзья мои, и мало знакомые, и вообще не знакомые – задавали мне потом один и тот же вопрос: почему ты это сделал, Тесей, назови причину. Но я лишь пожимал плечами: не знаю, не могу ответить. И не было лукавства в ответе моем – в самом деле, я не то, что им – себе даже толком не мог объяснить, почему сделал это. Ответ явился

позже, уже по пути на Крит. Во сне явилась ко мне Афродита и дивным голосом произнесла: «Знай, Тесей, это я направила тебя к столу со жребием, я же подвигла тебя произнести короткую, всего из двух слов, фразу: «Я седьмой». Убив Минотавра, ты прославишься, и вся Греция узнает о тебе».

Утром, проснувшись, я подумал: все это так, но как же я смогу голыми руками, без меча одолеть человеко-быка. Что же касается шестерых юношей, что войдут со мной в Лабиринт, рассчитывать на них не приходится: они слишком молоды, слабы телесно, а главное, подавлены духовно. Одним словом, не помощники.

Но нет и нет, успокоил я себя после долгого раздумья, прекрасная Афродита, покровительница моя, не допустит моей гибели в пасти Минотавра. Есть, наверняка есть у нее какая-то задумка.

Ариадна

Подобно кошке, что не торопится лишить жизни придуренную мышь, наслаждается ее тихим жалобным попискиванием, ее безнадежными попытками убежать, отец не спешил отправить афинян в Лабиринт. Злобно посмеиваясь, приговаривал: пускай поживут еще, пускай не раз и не два, а много – много раз переживут в сознании своем момент встречи с чудовищем.

Воспользовавшись отсутствием стражи (нет смысла охра-

нять афинян, рассудил отец, бежать им все равно ведь некуда), я прокралась ночью к их жилищу и, подойдя к входу, позвала шепотом:

– Тесей! – И еще раз, чуть громче: – Тесей!

Выйдя наружу, муж взгляделся в мое лицо, подсвеченное тусклым светом луны, узнал, но не выказал ни малейшего удивления. Я уже поняла эту его особенность: не выплескивать чувства наружу. Взяв за руку, повела к морю.

Какое-то время мы молча сидели на берегу, у самой кромки воды, слушая шипение прибоя, стрекот сверчков, отдаленные звуки ночных птиц и зверей, глядя, как растворяются в ночном небе долгие следы падающих звезд. Но вот, крутнувшись на песке, Тесей лег под прямым углом ко мне, положил голову на ноги. Снизу вверх заглянул в мои глаза, после чего, притянул к себе и нежно поцеловал. И еще раз, и еще. Тихо вымолвил:

– Как сладки твои губы, Ариадна.

– Как сладки твои губы, Тесей.

– Вот только... – и смолк.

– Что «только»? Почему ты не договариваешь?

– Мне трудно выразить словами то, что я испытываю, целуясь с дочерью того, кто в скором времени отправит меня вместе с тринадцатью несчастными на съедение чудовищу.

На съедение чудовищу...

– Не хочу, чтоб ты погиб! Не хочу!

Тесей рассмеялся.

– Я, знаешь ли, тоже.

– Милый, всю жизнь я мечтала о таком, как ты – красивом и гордом, благородном, бесстрашном. Ты – грез моих воплощение, и потерять тебя – о, нет! Вчера, когда ты нырнул под воду и долгое время не появлялся, сердце мое едва не разорвалось на части. Поверишь, в тот момент мне захотелось броситься в воду, за тобой.

Какое-то время афинянин собирался с мыслями, и уж начал, было, говорить, но тут же речь оборвал. Должно быть, посчитал, что слова, любые слова, пусть самые цветистые, не в состоянии передать его чувств, лишь принизят их.

– Я слышала, на родине своей, в Афинах, ты сам предложил себя в качестве жертвы – это правда?

– Откуда тебе известно?

– Ты не ответил на мой вопрос.

– А ты – на мой.

И вновь на какое-то время беседа смолкла. Тесей повернул голову чуть в сторону, и в глазах его отразились подрагивающие точки – звезды. Я подумала: он надменен и даже грубоват, причем, в разговоре со всеми, вне зависимости от сана – и с отцом моим, и со мной, и, уверена, с любым афинским сановником. Но странное дело, меня эта его особенность не возмущала, не отталкивала, более того, нравилась. Подчиняться такому мужу вовсе не зазорно даже мне, царской дочери.

– Не злись, милый.

– Я вовсе не злюсь. Но жду ответа.

– Ладно, скажу. Об этом мне поведал один из отцовских советников, а ему в письме, переданном попутным кораблем, сообщил его афинский родственник.

Выслушав мой ответ, Тесея не ответил на мой вопрос. Вскинув плечами – как хочешь, так и понимай, – заговорил об ином.

– Однажды, на пути из Троицы в Афины – давно это было, более десяти лет назад – мне довелось сразиться с громадным быком, опустошавшим окрестности Марафона, повергавшим в ужас живущих там людей. Быка того я сумел победить. А еще чуть позже я избавил жителей Кромиона от громадной дикой свиньи, что затаптывала и съедала всех, кого ей удавалось настичь. Что касается Минотавра – я даже представления не имею, каков он, насколько силен и резв. Мне бы меч, обыкновенный медный меч. Но как достать его здесь, на Крите, где у меня ни единого друга...

Великая радость наполнила мое сердце: мне по силам помочь Тесею, спасти его от смерти, и я сделаю это, после чего он, преисполненный любви, а, главное, признательности, станет моим, на всю оставшуюся жизнь.

– Любимый мой... Отец собирает всех вас, афины, отдать Минотавру на растерзание послезавтра, ранним утром. А значит, у нас есть время. Завтра ночью я принесу тебе меч. Но это не все. Еще я успею связать...

Однако договорить фразу мне не удалось, потому что уже

в следующий момент случилось нечто странное: небо и земля слились воедино, закружились в вихре; устремилась ко-со вверх луна; звезды, несчетное множество звезд, перебравшись мне под веки, вспыхнули там ослепительным светом. Я попыталась понять, что это – конец моего земного существования или наоборот – начало... Попыталась, но не смогла.

Тесей

Афродита, прекраснейшая из богинь, наполнила сердце Ариадны любовью ко мне. Рискую навлечь на себя гнев отца своего, Миноса, дева передала мне меч, а в придачу объемный клубок белых ниток. Признаюсь, сначала я даже не сообразил – к чему он, но когда Ариадна пояснила его назначение, был весьма удивлен: предположить даже не мог, что женщина, обычная смертная, хоть и царского рода, способна додуматься до такого. Вот суть ее задумки: конец нити я привязываю у входа в мудреное обиталище Минотавра, блуждая по его запутанным темным ходам, клубок разматываю, разматываю, а после победы над чудовищем (теперь, имея меч, я не сомневался в победе), по нити следуя, выхожу из Лабиринта.

Держа пред собою укороченный обоюдоострый меч, тревожно вглядываясь в зловещую черноту ходов, я шел первым; на небольшом расстоянии за мной следовала стайка трепещущих афинян. Спиной я чувствовал тревожный стук

тринадцати сердец, в кои мне удалось вселить надежду. Самому сообразительному из юношей я вручил клубок Ариадны – пусть разматывает он; мне же следовало сосредоточиться на ином – на встрече с Минотавром.

И вот он выскочил из-за угла, человеко-бык: огромное мужское тело в буграх мускулов; голова быка, тоже значительно крупнее обычной; с толстых губ слетают хлопья ярости, острые чуть загнутые рога направлены мне в грудь. Чудовище столь громадное и сильное, признаюсь, в какой-то момент даже зародило в душе моей сомнение: по силам ли мне будет одолеть его?

От первого выпада Минотавра я сумел увернуться, увернулся и от второго, но за вторым последовал третий, и на сей раз мне не удалось отпрыгнуть на безопасное расстояние – помешала стена; острый рог, пройдясь по бедру, вспорол его. Широкой торопливой струей излилась из раны кровь, вмиг на земле образовалась большая ярко-красная лужа. От боли, от неожиданности я закричал. Одновременно со мной вскрикнули наблюдающие за схваткой афиняне, каждый из них понимал: моя жизнь – его жизнь.

О, Афродита, защитница моя, взмолился я, будь милосердной, не дай упасть мне, обескровленному, ослабленному, ощутить в теле своем рога и зубы отвратительного этого существа.

В очередной раз бросился на меня Минотавр; на сей раз, отпрыгнув в сторону, сумел я схватить его левой рукой

за рог, величайшим напряжением сил пригнул к земле, и вонзил в загривок меч. Пришел черед излиться его крови. Страшно взревел человеко-бык, обмякнув, стал оседать. Он еще не достиг земли, когда получил второй удар, на сей раз сбоку в шею, смертельный. Недолгая агония, и застыл Минотавр, застыл навсегда.

Но торжествовать победу мне не пришлось: в глазах вдруг помутилось, стены и потолок Лабиринта, качнувшись, вдруг поменялись местами, после чего их поглотила темень – я упал без чувств, упал рядом с побежденным чудовищем, и кровь из раны моей смешалась с его кровью.

Ариадна

Ночь. Душно. Небо вспыхивает молниями, рокочет, грозится дождем. Мне мало воздуха – задыхаюсь. Может, потому так страшен сон.

Я стою на самом краю пропасти, вижу на дне ее лежащего Тесея. Тело и платье его в крови, он тянет ко мне руки, говорит что-то, но слаба его речь, и разобрать, о чем она – невозможно. Я думаю: мой любимый умирает, и ничем ему уже не помочь, однако я должна спуститься к нему, должна услышать, что он говорит, это очень важно... Но как же мне спуститься – ведь скала почти отвесная, без уступов. Осмотревшись по сторонам, замечаю узкую, доходящую до самого дна ущелья лестницу. Чья это лестница, кто ее сплел, с ка-

кой целью? Не имея ответа, даже предположения, начинаю спускаться.

Голос Тесея все тише и тише, только бы не умер до того, как я окажусь рядом. Еще немного, милый, кричу я сверху, не говори, береги силы. На середине пути узкая лестница прокручивается, я оказываюсь спиной к скале, лицом к лежащему внизу, кидаю на него взгляд – нет, это не Тесей, это... О боги, это отец мой, одетый в такое же, как у Тесея, платье. Является мысль: его столкнули. Скорей всего, кто-то из приближенных – все они сокрытые враги отца, желают его смерти, чтоб занять царский трон. Но кто именно? Мне бы только имя этого человека, только имя... Его мне скажет отец. Я продолжаю спускаться.

Вдруг вспышкой мысль: Тесей, это он столкнул отца. Желать смерти Миноса у афинянина больше оснований, чем у кого бы то ни было. О боги, если предсмертные слова отца подтвердят эту мою догадку, как же мне поступить – убить его?

Наконец, достигнув земли, подхожу к отцу. Часть его головы прикрыта полой окровавленного платья, он не подает признаков жизни. Неужели опоздала?

– Отец!

Я припадаю к распростертому телу, откидываю ткань с головы и... Предо мной короткошерстая бычья морда – закругленные острые рога, толстые мясистые ноздри и губы. Бык впивается в меня взглядом своих широко расставленных, в

красных прожилках глаз, и вдруг заходится громким человеческим смехом:

– Я давно мечтал я о тебе, Ариадна, я пресыщен афинянами, коих по приказу отца твоего мне приводят на съедение.

После чего хватает меня руками и...

Я кричу, раскрываю глаза. Ночь на исходе, скоро рассветет. Бешено колотится сердце, дрожат руки. Что бы могли означать эти странные перевоплощения: Тесей – отец – Минотавр... А пропасть, а узкая веревочная лестница, доходящая до дна? Так и не сумев найти объяснение, встаю с кровати и, захватив с собою сосуд с целебной мазью, быстрым шагом направляюсь к Лабиринту.

Тесей

Следуя по белеющей в темноте нити Ариадны, юноши вынесли меня из Лабиринта, положили на траву. Как долго был я без сознания? – Должно быть, целый день, потому что в Лабиринт зашли мы ранним утром, когда же я очнулся, покрасневшее, потерявшее жар солнце подходило к земле. Кровь из раны на бедре уже не лилась, поверх нее было наложено какое-то снадобье, благовонное и приятно холодящее. Рядом со мной на земле сидела Ариадна. Прикрыв глаза и поводя головой вперед-назад, произносила какие-то слова, вернее, неизвестные мне звукосочетания. Возможно, это были заклинания, без которых ране не зажить.

– Милая, ты умеешь исцелять раны – кто тебя этому научил?

Но оставив слова мои без внимания, Ариадна продолжала произносить магические фразы. Что ж, пусть занимается своим делом, я же займусь своим.

– Ты и ты, – подозвал я двух юношей, – быстро соорудите носилки и отнесите меня на корабль. – Вы, – обратился к двум другим, – живо поднимайте якорь, мы отходим. – Вы же, – приказал оставшимся двоим, – увесистыми камнями прорубите в рядом стоящих кораблях днища.

Теперь мне следовало решить, как поступить с Ариадной – взять с собой или оставить здесь, на Крите. Второе, конечно, предпочтительней, ни к чему она мне дома, в Афинах. Да и я не тот муж, что ей нужен: беспокоен, непоседлив, непостоянен. Но как преподнести это деве, в меня влюбленной, к тому же спасшей мне жизнь...

Закончив заклинания, Ариадна открыла глаза, ласково прошлась по мне взглядом.

– Ты пришел в себя, любимый, я так счастлива...

– Ариадна, – начал я, и в нерешительности закашлялся. – Мне думается... более того, я уверен, что тебе, царской дочери, деве необычайной красоты... – опять закашлялся, сообщая, каким быть продолжению, – ...избалованной вниманием достойнейших мужей критских и заморских... – и собравшись духом: – тебе лучше будет остаться здесь, на Крите. Ведь я не смогу дать тебе того, чего ты... Нет, не так. Со

мною ты не сможешь обрести... Не будешь счастлива.

Слыша себя со стороны, я не мог понять: почему я, Тесей, чья уверенность в себе никогда, ни при каких обстоятельствах не давала сбоя, бормочу что-то отрывистое, невразумительное. Что так повлияло на мой разум – неужели кровавая схватка с Минотавром?

– Нет и нет, не желаю это слышать! – гневно вскричала дева. – Здесь, на Крите, я не останусь – или взойду с тобой на корабль, или...

Она замолкла на мгновение, и я успел подумать: что «или»...

– ... или же здесь, на глазах твоих, тем же мечом, от которого пал Минотавр, лишу себя жизни.

В голосе Ариадны было столько силы и решимости, что не приходилось сомневаться: ее угроза – не пустые слова, она способна сделать это. Я пожал плечами.

– Будь по-твоему, милая, поплывем в Афины вместе.

Подобно солнцу лучам, разорвавшим темные тучи и излившим на землю свет, радостью воссияло ее лицо.

– О, Тесей, возлюбленный мой!

Ариадна

На третьи сутки пути наш корабль пристал к небольшому необитаемому острову – наполнить емкости свежей пресной водой и, если повезет, раздобыться дичью. Юноши, воору-

женные острыми камнями и единственным мечом, девушки с кувшинами на плечах – пошли вглубь острова.

Благодаря снадобью, не позволившему ране загноиться, а главное, богатырскому своему здоровью Тесею чувствовал себя вполне сносно, хотя, не настолько, чтоб бегать по горам и предгорьям в поисках дичи. Опираясь на мое плечо, сошел он на берег и, дойдя до дерева с широкой густой кроной, обессиленный, опустился на землю. Пот струился по его бледному лицу, черные кудри прилипли ко лбу, но глаза излучали радость – еще бы, скоро он ступит на родной берег, и по всей Греции, по всему Средиземноморью разнесется весть о беспримерном его подвиге.

Вскоре, полуденным солнцем разморенные, рука в руке, мы заснули.

Тесей

Мне приснилось.

Я – хозяин харчевни, расположенной у обочины пыльной дороги, что на выезде из полиса. У меня семья – бесформенная голосистая жена и множество разновозрастных детей, все они помогают мне в хлопотном моем деле. Однако, дело идет не лучшим образом – слишком велики налоги, взимаемые властями в казну полиса. Мне приходится экономить на всем, и даже на прислуге; я тружусь без выходных, без передышек, тружусь на износ. Рабочий день начинается

задолго до восхода солнца. Ото сна восстав, впрягаю в телегу осла и еду в ближайшую деревню за продуктами; днем, и до самого позднего вечера разношу по столам еду и питье. Еще я разрезаю бревна и рублю дрова для печи; добываю огонь и разжигаю печь; еще чиню все то, что требует починки; еще разделяваю привезенные из деревни свиные и бараньи туши. Но и это далеко не все. Еще я веду книгу прихода и расхода, еще переругиваюсь с женой, ну и конечно, слежу, чтоб не в меру шустрые посетители не покинули таверну, не расплатившись. Всего не перечислить. Готовит еду жена, ей помогает средняя дочь; старшая дочь – она чуть смазливей средней – собирает со столов грязную посуду и относит к близлежащему ручью, там выдраивает ее губкой из морских водорослей. Сын, которому без малого восемь, убирает во круг харчевни и ухаживает за живностью – курами, гусями, индюками, а также за ослами – двумя нашими и теми, на которых приехали посетителей. Сын шестилетний – у него не по-детски серьезный взгляд – тоже при деле: приглядывает за дочкой самой меньшей, которой всего год.

Сидящие за столом, по большей части из простолюдинов, выпив вина, громкими пьяными голосами орут песни с соленым, а то и пересоленным содержанием. Еще они норовят шлепнуть по заднице лавирующую меж столами старшую дочь. Дочерняя ругань в ответ вызывает всеобщий смех. Я же, вместо того, чтоб огреть нахала по руке любим тяжелым, подвернувшимся под руку предметом, громко смеюсь вме-

сте со всеми – пусть у посетителей моей харчевни останутся о ней самые лучшие воспоминания, пусть возвратятся сюда еще раз и еще, и еще.

«Эй, ты, как там тебя... Тесей, да? – во всю глотку орет некто заросший до самых глаз, исходящий характерным для кожевенников кисло-удушливым запахом, – долго мне еще ждать свой обед? Мой живот – это слышат все, кроме тебя и твоей неповоротливой стряпухи – возмущенно урчит». «Уже несу, – успокаиваю я крикуна, – не злись, почтенный муж, но я не могу быстро ходить, сам видишь – хромаю». «Вот что, бездельник, ты мне обед принеси быстренько, а потом хромай, сколько душе влезет». «А ведь глубокую, до самой кости, рану в бедро я получил в поединке со свирепым Минотавром». «С кем? С Минотавром? А кто это такой, должно быть, самый строптивый из твоих дворовых индюков?» – скалит черные зубы кожевенник и гогочет над своей же шуткой. Ему громко вторят сидящие за столами. Терпеливо выждав, пока стихнет смех, отвечаю, как могу, спокойно: «Нет, друг мой, Минотавр – это свирепый человеко-бык, живший на Крите, в Лабиринте. Ему на растерзание Афины вынуждены были отдавать своих девушек и юношей. В жестоком бою он рогом прорвал мне мускулы ноги, но, несмотря на боль, я сумел изменить ход поединка и убил его». «Вот что, сказочник, ты мне уже порядком надоел, – в сердцах кожевенник сильно бьет по столу кулаком. – Чем кормить словами, ты б лучше накормил обедом; я ведь деньги плачу не для

того, чтоб слушать твои бредовые рассказы. С Минотавром, человеко-быком он, видите ли, воевал. А я, на пару с Зевсом Громовержцем сражался – знаешь с кем? – с многоголовым чудищем Тифоном. Надеюсь, слышал о таком? Но, будучи человеком скромным, я не трезвоню об этом на каждом углу, каждому встречному да поперечному – вот, мол, оцените доблесть мою». И вновь харчевню сотрясает пьяный смех. Чем грубее, примитивнее шутка, тем выше ей здесь цена.

Я проснулся, сел на землю. Какой отвратительный сон. Помотал головой, отгоняя его. Даже если б приснился Минотавр, рогом пронзающий грудь, мне было б не так страшно. Невдалеке, сидя кружком, тихо беседовали меж собой юноши и девушки. Их поход вглубь острова оказался удачным: все имеющиеся на корабле емкости наполнены родниковой водой, дичи набито столько, что до самой Греции хватит – на супы да на жаркое. Теперь они ждали моей команды на отплытие.

Жестом я подозвал одного из юношей, кивнул в сторону корабля: «Помоги пройти». Когда же он вопросительно взглянул на Ариадну, я мотнул отрицательно головой: «Нет, она останется здесь». Юноша не стал уточнять, помог мне взойти на палубу.

Рядом со спящей Ариадной я приказал поставить запас солонины и вяленого мяса, большой кувшин с водой и еще один поменьше – вина. Всего этого ей должно хватить, чтоб дожидаться корабля, который я распоряжусь выслать сюда, на

остров, как только прибуду в Афины. На глиняной пластине острием меча я выцарапал текст, суть которого сводилась к следующему: прощай, милая, мне было хорошо с тобой, однако, больше мы не увидимся; так, поверь, будет лучше нам обоим – это я тебе пытался донести еще на Крите. Не волнуйся, Ариадна, спокойно дожидайся корабля, он прибудет из Греции в самом скором времени и отвезет тебя домой, на Крит. В конце, подумав, приписал: «От всей души желаю тебе счастья».

Оставалось решить последнее: оставить ли деве меч. С одной стороны, в одиночку на острове без оружия, опасно, меч, даже если и не понадобится, то хоть придаст решимости. Но с другой стороны, не осуществит ли она свою угрозу – покончить с собой. Подумав, я все ж решил оставить – если б и решилась Ариадна на этот шаг, то лишь в моем присутствии, на моих глазах, не иначе.

Чтоб видел я, как из раны хлещет кровь, чтоб смерть ее тяжким грузом легла на мою совесть.

В следующую минуту корабль отошел от берега.

Ариадна

Я раскрыла глаза, и тут же закрыла. Подумала: это продолжение сна: мне снится, что я проснулась, а любимого рядом нет. Открыла еще раз, но вновь никого, лишь воткнутый в землю меч, прикрытая рогожей сушеная и вяленая еда,

кувшин с родниковой водой и еще один, поменьше, с вином. А еще глиняная пластина, сразу ее и не заметила. Прочитав нацарапанный на ней текст, я забила в истерику. С уст сорвались слова гнева и возмущения.

– Какая черная неблагодарность – бросить ту, без которой ему и его друзьям и подружкам быть разорванными на куски. Прав, тысячу раз прав был мой отец, отправляя лживых афинян в пасть Минотавра. Я тоже хороша – не сумела под благородной личиной разглядеть... Тварь, низкая тварь! О боги, неужели вы не заступитесь за меня, слабую и доверчивую женщину, не накажете коварного Тесея со всей жестокостью, на которую способны.

Разумеется, выкрики мои не имели ни малейшего практического смысла. Звуки разлетались по берегу, но никто, кроме ящериц да крабов, коих на том острове было великое множество, услышать их не мог.

Что же делать? Как быть? Выбора нет – дожидаться корабль из Афин и отбыть на нем на Крит. Но что я скажу отцу?

Может, такое. Меня, прогуливающуюся по берегу, похитили афиняне и силой затащили на корабль. Ни угрозы – если сейчас же не отпустите меня, отец прикажет убить всех жителей Афин, а сам полис сравнять с землей, – ни обещания большого выкупа – ничего не помогло. А затем... На безлюдном острове, к которому они подплыли за пресной водой, мне удалось убежать от них и скрыться.

Неправдоподобно. Прежде всего: я, царская дочь, не стану

прогуливаться по острову в одиночку – только в окружении свиты. Еще: похищать меня афинянам нет никакого смысла. И еще: оставаясь на необитаемом острове, я обрекаю себя на смерть страшную, долгую – от голода и одиночества. Я же на такое не пойду, и отец, хорошо меня знающий, не поверит мне. Страшно подумать, каким может быть наказание. Нет, следует придумать что-то иное.

А если от правды и ото лжи – по равным частям: да, полюбила, да, потеряла голову и добровольно взошла с Тесеем на его корабль. Но позже, на необитаемом острове, раскаявшись в своем поступке, глупом, опрометчивом, недостойном царской дочери... А далее, как в первой задумке – убежала и скрылась от коварного искусителя. Но нет, опять то же, что и в предыдущей придумке, неправдоподобное: скрылась на необитаемом острове, обрекая себя на смерть.

Но что ж тогда? – Не знаю. Не знаю! И еще раз, вслух, громко: НЕ ЗНАЮ! От бессилия, от безысходности я расплакалась. Проклятый Тесей, пока он не появился в моей жизни, я не знала, что такое слезы на моих щеках. Теперь же плачу постоянно.

Не хочу на Крит, не хочу встречаться с деспотом-отцом и дрожать от страха: поверит – не поверит, какое назначит наказание...

Умереть... Прямо сейчас. Мечом в сердце. Не сделала это дома, на Крите, сделаю здесь. Главное, не промахнуться, чтоб точно в сердце. А вдруг промахнусь, и меч пройдет ми-

мо? Или ударю недостаточно сильно? Прикрыв глаза, представила: из груди моей торчит меч, льется кровь, мне больно, очень больно, но до смерти еще долгие часы, может даже, несколько суток... На второй же удар не хватает ни сил, ни решимости. И никого вокруг, чтоб попросить о помощи – о втором ударе. О боги, что ж мне делать?

Тесей

Высланный мною из Греции небольшой быстроходный корабль возвратился гораздо быстрее, чем требовалось для пути на необитаемый остров, оттуда на Крит, и обратно в Грецию. Пожилой кормчий поведал мне следующее: на островном берегу, описанном мною, никого не было, но под раскидистой кроной дерева были обнаружены два сосуда – с водой и вином, еда, вяленая и сушеная. Тут же, на земле валялись осколки глиняной пластины с нацарапанными на них словами. Поразмыслив, кормчий принял решение: обследовать остров.

Команда корабля в полном составе, растянувшись долгой шеренгой, прошла от края и до края острова, благо, подъемы и спуски оказались не слишком высокими и крутыми. Затем, сместившись на длину шеренги, люди прошли обратно. И еще раз, и еще раз. Таким образом, поисками оказалась охвачена вся островная площадь. Походы вперед-назад по приказу кормчего сопровождалась громкими крика-

ми: «А-ри-а-дна», гудением в рожки, свистом, однако, ни одна живая человеческая душа не была замечена, не откликнулась на звуки. Видимо, – высказал предположение старый моряк, – проходивший мимо острова корабль взял женщину на борт. Подумав, я согласился с ним – больше Ариадне некуда было деться.

Ариадна

Прошло два дня. Сидя на берегу морском, глядела я вдаль, туда, куда на ночь опускается безмятежное, ко всему равнодушное солнце, размышляла о пагубности любовного опьянения, когда вдруг...

Нет, не может быть, мне кажется. Свирели и флейты, и множество хмельных не слишком стройных голосов. Сразу подумала: от горя я потеряла рассудок и слышу звуки, которых не может быть здесь, на безлюдном острове. Но вслед за обманом звуковым явился обман зрительный: из леса вышла толпа – мужчины, женщины. При этом, мужчины были мужчинами только сверху, а ноги у них были козлиными. И эти козлоногие играли и пели, а женщины им подпевали и кружились в пляске. Кружились они вокруг осла, на котором косо – того и гляди, завалится набок – восседал какой-то плешивый старик. Во главе шумной процессии шел необычного вида муж: на голове пышный венок из виноградных листьев и гроздьев винограда, в руке золотой жезл с насаженной на

него сосновой шишкой. О боги, кто эти женщины, кто эти козлоногие музыканты, кто этот странный муж с венком на голове? Они в моем воспаленном воображении или все же наяву? Толпа приближалась. Я хотела убежать, но не могла даже встать – испуг сковал ноги.

Вот они совсем близко, и я вижу безумие в широко раскрытых, почти круглых глазах женщин, вижу кровь вокруг их ртов – чья это кровь? Не станут ли пить мою?

Муж с виноградным венком на голове приблизился ко мне, неспешно оглядел с головы до ног, голосом негромким, спокойным спросил – кто я. Я назвала свое имя, указала, откуда я и чья дочь. Голос мой, в отличие от голоса собеседника, дрожал и срывался. Мне было стыдно, но ничего поделать с собой я не могла. А знаешь ли ты – спросил он – кто я. Нет, благородный муж, – ответила я, – не знаю, и даже не догадываюсь. Почему-то ответ мой развеселил странную свиту. Залились визгливым смехом кровавые женщины, заблеяли козлоногие. Но стоило мужу скосить на них взгляд – все смолкли.

– Я – Дионис, бог вина и виноделия. Не знать меня – невежество, не почитать – тяжкий проступок. А непочтительных людей друзья мои, сатиры и менады, – кивнул в сторону козлоногих и женщин, – разрывают на части и напиваются их кровью. А иногда я сам, когда у меня игривое настроение, превращаю их во что-то неприглядное, например, в болотных жаб или летучих мышей.

В подтверждение сказанного сатиры закивали головами, менады растянули окровавленные рты в жуткой гримасе. Старик на осле – в свою очередь – кивком подтвердил сказанное. От услышанного страх мой лишь усилился – не прикажет ли бог свите своей разорвать на части меня, не превратит ли в жабу?

Заметив на земле глиняную пластину, Дионис поднял ее, не испросив разрешения, стал читать. Закончив, с силой швырнул о большой, наполовину ушедший в землю камень – пластина разлетелась на мелкие куски.

– Поверь, Ариадна, твой случай вовсе не какой-то особенный. Неблагодарность – явление настолько частое в людской среде, что, скорее, правило, чем исключение. А значит, не следует произошедшее воспринимать слишком горестно. К тому же Тесей пообещал, и я ему верю, что не бросит тебя на произвол судьбы – пришлет за тобой корабль и отправит домой, на Крит. А значит, не такой он подлый и коварный, каким тебе видится.

– Но он бросил меня, царскую дочь, бросил, как последнюю девку... Дионис ухмыльнулся.

– Жена для мужа, желающего жизнь свою посвятить подвигам, а именно таков твой возлюбленный Тесей, – обуза. Стань ты его женой – сковала б по рукам и ногам, лишила б смысла жизни. К тому же – как это явствует из письма – он еще на Крите выказывал нежелание брать тебя с собой, и только твоя излишняя настойчивость не позволила ему по-

ступить таким образом. Если ты, Ариадна, поняла мною сказанное, то простишь его. Хотя, сама понимаешь, – махнул рукой небрежно, – ему твое прощение...

Я осмелилась поднять взгляд на бога. Глаза его излучали спокойствие и глубину мысли, все же остальное выглядело каким-то несерьезным, даже дурашливым: полные румяные щеки, венчик на голове с зелено-красными листьями и свисающими гроздьями винограда, жезл с большущей шишкой... То же самое свита, странная, противоречивая: музыка, песни, безудержное веселье, и тут же безумие, кровь...

– Но что же мне делать, Дионис. Я не хочу домой, на Крит, да и не могу. Отец не простит мне бегства с афинянином, а в гневе он способен на что угодно, даже убить меня, дочь свою.

И вновь ухмыльнулся бог.

– А ведь еще совсем недавно, до моего появления здесь, ты не только не боялась смерти, но и жаждала ее. Что же изменило твое к ней отношение?

Мне подумалось: я перед ним словно обнаженная – ему известны все мои мысли, чувства, пожелания. Он знает обо мне все, знает и ответ на свой же вопрос. А посему, какой смысл отвечать?

На какое-то время смолкла беседа. Тут же смолкли менады, перестали играть сатиры, и на какое-то время тишина стала столь полной, словно нет на острове никого, ни единой живой человеческой души. Прервал ее Дионис.

– А известно ли тебе, Ариадна, что и боги способны гру-

стить? Даже мне, богу радости, временами становится настолько тоскливо, что проникаюсь завистью – не поверишь – к простым смертным. И тогда не веселят меня ни солоноватые притчи мудрого Селена, учителя моего, – повернувшись к старику на осле, склонил почтительно голову, – ни танцы менад, ни потешные песни сатиров... И даже сладкозвучная свирель главного из них, Пана, не в состоянии разогнать черные тучи тоски моей. Винный хмель, лишь он способен заглушить на время боль, затуманить разум.

Вздохнув тяжело-тяжко, как-то уж совсем не по-божески, сказал:

– Все дело в том, что мне не хватает любви, обычной человеческой любви, той самой, которой пренебрег Тесеи.

Я слушала бога и не могла понять: зачем он говорит это мне, смертной женщине. Чем могу я помочь ему? И была удивлена, нет, потрясена, услышав:

– Будь моей женой, Ариадна.

Тесеи

После разговора со старым кормчим я больше не возвращался мыслями к Ариадне; события иные, важности величайшей, просто не оставили в сознании моем места воспоминаниям.

Благодарный народ Афин выбрал меня своим царем. Высшим моим достижением на этом поприще явилось объедине-

ние Афин с близлежащими поселениями, в результате чего возник полис, по силе и могуществу превосходящий любой другой в Греции. Однако деятельность моя царская не ограничивалась указами, переговорами с высшими сановниками да полководческими решениями. Жаждой подвигов движим, я обошел все Средиземноморье – и северное, и южное, – и нигде мне не было равных. Опьяненный победами я переоценил свои силы. На пару с другом моим Перифоем, таким же, как и я, бесстрашным (а может правильной сказать безрассудным), мы бросили вызов самому Аиду, богу смерти: потребовали у него – ни много, ни мало – отдать нам (точнее, ему, Перифою) его жену. Владыка царства теней, видя перед собой двух сильных, преисполненных решимости мужей, не осмелился вызвать нас на открытый бой, вместо этого решил действовать хитростью. Еще не начав беседу, он указал мне и Перифою на широкий величественный трон: «Вам, уважаемые мужи, самое почетное место в царстве моем», – сказал он, и мы, не подозревая подвоха... Откуда нам было знать, что любой, на трон тот севший, прирастал к нему. О как торжествовал Аид, слыша наши крики и стоны, наши проклятия вперемежку с мольбами о пощаде, глядя, как в обездвиженные наши тела впивается зубами стоглавое чудовище с хвостом змеи – пес Кербер, как плетками со свинцовыми наконечниками нас избивают его прислужницы, не знающие жалости богини мести эринии.

Только через четыре года, долгих и мучительных, смило-

стивился надо мной Аид – позволил Гераклу, величайшему из героев, оторвать меня от трона и вывести на свет солнечный. Безумного же Перифоя, преступившего все мыслимые и немыслимые человеческие ограничения, возжелавшего жену его, Персефону, Аид так и не простил – пусть мучается вечно.

Как-то дошел до меня слух, что Ариадна, да-да, та самая дочь жестокого и мстительного царя Крита... надо же, вылетело из памяти его имя... оказалась избранницей самого Диониса, бога вина и виноделия. Не первой величины бог, но все же... А еще поведано было мне, что Дионис – подумать только! – ее именем назвал созвездие. Признаюсь, весть эта вызвала во мне чувство досады: в очередной раз богами увековечено имя личности весьма заурядной. Неужели нет в Греции более достойных? Да, было: передала она мне тайно меч; да, своим клубком ниток помогла нам, четырнадцати афинянам, выбраться из Лабиринта; да, выхаживала меня после ранения, нанесенного Минотавром, но разве это причина, чтобы быть обессмерченной? Вот уж воистину, странны порой рассуждения и деяния богов. Однако, подумав, успокоил я себя мыслью иной: созвездие – созвездием, а мое величие столь велико, что даже бог не посчитал ниже своего достоинства подобрать ее, мною брошенную Ариадну.

Заключение

В какой-то момент, а именно, по возвращению из подземного царства Аида, удача отворачивается от нашего героя. Царский трон в Афинах захвачен в его отсутствие неким Менесфеем. Новый царь, не желая, чтоб рядом находился озлобленный, порывистый, на все способный муж, подговаривает афинян изгнать Тесея из полиса. И афиняне, те самые, которых он в молодые годы спас от многих и многих злодеев, а главное, от свирепого Минотавра, большинством выносят решение: изгнать.

Изгнать...

И изгнан Тесей из Афин. Какая неблагодарность! Какая несправедливость!

Угрюмый и подавленный, удаляется наш герой на остров Скирос, где ему принадлежит участок земли.

Прекрасен и благодатен Скирос: в горах его и предгорьях, покрытых вечнозелеными деревьями и кустарниками, кизилом и диким виноградом водятся легконогие козы и круторогие муфлоны; упоительно благоухают оливковые и сосновые рощи; долины широки и плодородны.

Но и здесь, на острове, не найти успокоения Тесею. Простые жители, а еще более, знать, хоть и осведомленные о его подвигах, героя вовсе не чтут. Его диалоги с надменными, преисполненными сознания собственной важности сановни-

ками частенько происходят на повышенных тонах, изобилуют упреками. Доходит до оскорблений.

Безнаказанно оскорбляют Тесея, сына Посейдона, одного из величайших героев Греции...

Нет, лучше смерть, чем такое, думает Тесей. И смерть, вняв желанию великого мужа, является к нему. Царь Скироса Лакимед, улыбчивый и сладкоголосый, мирно беседуя с ничего не подозревающим Тесеем, подводит его к пропасти и сталкивает. (Эх, годы, годы – а ведь когда-то в юности наш герой не позволил это же сделать Скирону – увернулся от толчка, более того, скинул со скалы его самого).

В последний миг жизни, миг полета, успевает подумать Тесей: да, пожалуй, так лучше, жизнь моя нынешняя, полная горечи и разочарований, лишь сводила на нет величие жизни той, предыдущей.

Безумие (из «Илиады»)

Будучи первопричиной тех страшных событий – десятилетней войны, уничтожения Великого Города и гибели всех его жителей, – ни малейших угрызений совести не испытала. Сначала предала того, кого сама же выбрала, спартанца Менелая, и удрала за море с сыном Троянского царя Приама Парисом (кстати, вместе с женошкой Парис прихватил и Менелаевы сундуки с сокровищами); когда же в бою погиб Парис, сошлась с его братом, Деифобом. Однако вскоре смерть настигла и Деифоба, и осталась красотка-вертихвостка совершенно одна, одна – одинешенька в городе, за десять лет так и не ставшем ей родным.

И вот последний бой войны. Нет, не бой, но избиение. Через большие городские ворота, распахнутые выбравшимися из деревянного, полого внутри коня, греки ворвались в Трою, быстрыми ручьями растеклись по ее улицам и закоулкам. Крики торжества и боли, мольбы о пощаде, огонь, грохот падающих стен и крыш. Со строения на строение ветер переносит пламя пожара; везде кровь, кровь – на земле, на стенах домов, на ступенях храмов. Разъяренные воины не щадят ни мужчин, ни женщин, ни стариков, ни детей – никого.

Елена глядит на все это и ее бьет мелкая дрожь, она судорожно пытается сообразить – что же делать, что предпри-

нять? – однако ничего путного в голову не приходит.

О, несчастная я, несчастная, некому защитить меня, вызвать из этого ужаса. Бежать! Да, бежать. Но куда? А куда угодно, отвечает себе, – в поля, в леса, в горы – все равно, только прочь из города. Не хочу умирать, не хочу!

И уж было засеменяла ножками, как вдруг пред нею из огня – о боги! – собственной персоной бывший муженек. Задымленный, в подтеках крови – своей, чужой? – лик, глаза сужены, сверкают огоньками пожарища, уголки рта подергиваются недоброй ухмылкой. В руке меч.

– Вот и встретились, женушка. Куда, позволь спросить, путь держишь?

Ответа не получив, восклицает:

– Долго же ждал я этой встречи, почти десять лет.

Секундное размышление, и дамочка хлопается пред Менелаем на колени, обхватывает ноги. Менелай пытается отстраниться, но это ему не удастся: объятия на удивление крепки. Шестое чувство подсказывает Елене: опьяненного кровью безумца перво-наперво следует ошеломить, сбить волну ярости, и, конечно же, не вызвать новую – неправильным движением, неверным словом.

– Милый! Милый мой! Какое счастье!.. Пройдя через жесточайшие испытания... Заглянув в самые глубины отчаяния... Невыносимо долгие десять лет... Бессонными ночами о тебе одном, Менелай... Ты!.. Во всем мире ты один! Только не бросай меня больше, никогда!

Где-то в уголке Менелаевого сознания вспыхивает недоуменное: не бросай? Но кто кого бросил? О чем она лопочет? – однако уже в следующий момент угасает – не до выяснений...

Рыдания сотрясают хрупкую женщину. Поддрагивают мелкой дрожью растрепанные пряди волос. Менелай глядит сверху на распростертое тело, чувствует, как на нет сходят гнев и решимость, а их место занимает нечто давно забытое – доброе и возвышенное. Схватившись ладонями за лицо, заходится стоном от переизбытка чувств и сладостных воспоминаний.

– О, Елена, любовь моя!

Уронив на землю меч, поднимает изменщицу с колен, порывисто прижимает к груди. Елене больно от рельефной бронзы Менелаевых доспехов, но она молчит, терпит.

– Успокойся, милая, успокойся, – жаркими поцелуями Менелай осыпает женушкины щеки и губы, и глаза, и волосы. – Забудем! Забудем все и начнем жизнь сначала. О, Елена, любовь моя!

Стоя в сторонке, слыша странноватый диалог братца с женой-изменщицей, Агагемнон только почесывает в голове. Думает: всегда, с самых юных лет я понимал Менелая, мы были как одно целое, но сейчас... И в какой-то момент, возмущением преисполнен, даже делает движение в сторону парочки, но тут же одергивает себя – а может так и надо... Не буду вмешиваться, пусть будет все, как будет.

В разграбленном и сожженном, усеянном трупами городе делать больше нечего, и уже через два дня Менелаевская флотилия из шестидесяти кораблей, отчалив от берега Малой Азии, берет курс на запад, к берегам родимой, долгожданной Греции. На фоне алых парусов флагманского корабля – воссоединившиеся супруги. Ветер треплет черные кудри Елены и светлые вихры Менелая, сплетены их пальцы, глаза застелены влагой счастья. Душещипательная картина.

В состоянии полнейшего душевного спокойствия эта женщина прожила до глубокой старости и так же спокойно перешла в мир иной. Я, Аякс Теламонид, думаю, что в груди у нее на месте сердца был камень. Впрочем, это мое мнение о ней мало кто разделял там, на Земле, мало кто разделяет здесь, в темном царстве Аида. Женщина как женщина... Да, кокетка, да разрушительница сердец, да, ради собственного благополучия способна на что угодно, но разве бывают женщины иные – совестливые, принципиальные? – Риторический вопрос.

То ли дело внешне, тут она – о! О! Прекрасная Елена!

Ровненький, чуть вздернутый носик, маленький тонкогубый рот, широко распахнутые карие глаза в обрамлении пушистых ресниц. Белая, что по мне слишком белая, кожа. Росточком невелика, грудью и бедрами скромна, худощава. Во-

лосы на лбу перехвачены алой – в тон подрумяненным щекам – лентой. И всегдашняя чуть смущенная, чуть наивная улыбочка, из тех, что как бы проекция душевной доброты, на самом деле – наработанный образ, лицедейство. Будь эта женщина не знатного рода-племени, никто б не обратил на нее внимания, тем более, не назвал прекрасной, то ли дело, когда это дочь самого Зевса...

Ах-ах-ах, подумать только...

Да у него, Главного из богов, по всей Греции столько любовниц, столько обоего пола детишек-ребятишек, что он, можно предположить, и половины их не помнит. Ни одну смазливую бабенку не пропустит, будь она хоть царицей, хоть пастушкой. Тощих и пышногрудых, бледных аристократок и смуглых крестьянок, юных девушек и дамочек в возрасте – всех Зевс почитит, как это принято говорить о боге, к тому же наиглавнейшем, своим вниманием. Как-то похитил деву, приняв образ круторогого быка. А как-то похотью снедаемый, превратился – подумать только – в дождик, да не простой, а золотой; сквозь зарешеченное окошко каплями проник в темницу, где томилась его очередная пассия, и прямо там ее, на пыльном и слежавшемся тюремном тюфяке – ну да, верно – почтил высочайшим вниманием.

Жена его, Гера, аж извелась, вся на нервах, вся на нервах. Думы ее об одном единственном: как отомстить любовницам мужниным, наглым и бесстыжим. По всей Греции... и не только по Греции, по всему миру преследует их, а на-

стигнув, жесточайше измывается. А еще над их детишками, теми, что от Зевса, словно их вина... Кстати, одним из этих детишек был ни кто иной, как Геракл, величайший из героев, сын Зевса и земной красотки Алкмены. Наслала на него Гера двух здоровенных змей, и была несказанно удивлена узнав, что малыш, играючи, скрутил гадам головы.

Да уж, не позавидуешь Гере. Впрочем, и Зевсу тоже. Он хоть и Первый из Богов, но никак не самый счастливый. Попробуй-ка, выдержи все эти слежки, упреки, ежедневные сцены... Молчал Громовержец, крепился как мог, но однажды не выдержал, взорвался.

– Да сколько же можно, Гера! Изо дня в день одно и то же, одно и то же... Не жена первого из богов-олимпийцев, а горластая торговка с улицы. Ладно, если не понимаешь по-хорошему, будет по-плохому.

И подвесил женушку на цепи меж небом и землей – побарахтайся, неврастеничка, психопатка, побарахтайся, да подумай о непристойном поведении своем...

Помогло. Правда, ненадолго. Гневные упреки вкупе с преследованиями мужниных любовниц и их бедных детишек продолжались и впоследствии. Наверное, и до сих пор продолжают.

Однако, не о женушке Зевсовой речь – о дочурке, Елене. Все ж было в ней что-то такое, было...

Цари-красавцы и высшие сановники, военачальники и заслуженные герои греческие, толпясь у Елениных ног, сми-

ренно выпрашивали ее согласия на брак. При этом, если б кто осмелился спросить их: а что вас, мужи благороднейшие, на шаг этот подвигло – вряд ли б получил вразумительный ответ.

Хороша внешне? – да, хороша, но есть в Греции куда лучше. Приятна в общении, обаятельна? Да как сказать – на любителя. Что еще? Умна? – ну да, умна, точнее, сообразительна. Весела? – Не столько весела, сколько улыбчива.

Так чем же привлекла Елена такое количество благородных мужей?

Долго думал я над этим вопросом, и вот что явили мне размышления.

Услышав однажды из чьих-то уст, восторженный возглас в ее адрес (искренний, не очень?), мужи приняли этот возглас на веру, а со временем даже прониклись им. Предположение не столь абсурдное, как может показаться. Так ведь, между прочим, и формируется общественный вкус, общественное мнение: один выкрикнул, второй подхватил, за вторым во всю глотку третий... И пошло-поехало: двадцать четвертый, девяносто седьмой... Подобно обвалу в горах...

И по всей Греции, по всему Средиземноморью разнеслось: нет женщины прекрасней Елены. О, как же она прекрасна! Прекрасна! Прекрасна! Счастливчик из счастливых тот, на ком остановит свой выбор это живое воплощение красоты, нежности и женственности. И тогда всем знатным мужам греческим вдруг страстно, безумно захотелось запо-

лучить Елену в жены.

Дошло до абсурда, иначе не назовешь. Сам Нестор, к имени которого словно медной застежкой пристегнуто «мудрый старец», – и этот выдвинул свою кандидатуру на роль жениха. А ведь даже самому скудоумному, самому примитивному греку, из тех, что пасут овец на горных вершинах – и тому было ясно: никакого шанса на Еленино благоволение у дедушки нет. Ни малейшего. Вот тебе и «мудрый старец».

И я, Аякс, сын Теламона, и я был среди претендентов. И тоже не скажу определенно, каким ветром меня туда занесло. Ведь даже внешне – совсем не в моем вкусе. Мне всегда нравились дамочки под стать мне – рослые, в теле, с пышными формами, чтоб если смеялась, то звонко и искренне, а не тянули губы в слащавой улыбочке, как эта...

И Диомед, царь Аргоса, один из храбрейших мужей греческих, и он, было дело, трепетом душевным объят, взывал к богам: о боги, помогите мне, сделайте так, чтоб дева прекрасная выбрала меня.

И Одиссей, царь Итаки...

Одиссей... Как к Нестору намертво пристегнуто «мудрый старец», так к этому – «хитроумный». Хитроумный Одиссей – не иначе. В самом деле, он и умен, и хитер, и инициативен. Не зря герой Диомед в разведку предпочитал ходить только с ним.

«На пару с этим любимчиком Афины – Паллады мне ничего не страшно, – говаривал Диомед. – С ним хоть в поли-

мя, хоть в бездну океанскую, хоть под землю, в темное царство Аида».

Действительно, из любой, казалось бы, самой тупиковой ситуации найдет выход Одиссей. Невероятно изворотливый муж. Чего стоил только его великолепный прыжок с борта корабля на свой же щит.¹

Однако в деле сватовства к Елене и этот хитрец из хитрецов не сумел просчитать все варианты, можно сказать, оплошал. Был настолько уверен, что его, и только его выберет красотка, что решил подстраховаться на тот случай, если кто-то из женихов-неудачников захочет ему отомстить. Предложил: а давайте-ка, друзья-соперники, пока еще вождь наша не озвучила свой выбор, заключим договор: никто из нас (были ль сказаны эти два ключевых слова «из нас», не были ль?) не только не станет мстить ее избраннику, но и наоборот – обязуется выступить в едином фронте против его обидчика. Женихам (и мне в том числе) мысль понравилась. Согласны! – воскликнули все разом и скрепили договор крепким рукопожатием.

Ну а что было потом, известно всем. Елениному избран-

¹ Жрецами – оракулами было доведено до греческого войска: ступивший на землю троянскую первым – такова воля богов – погибнет. Теснясь у бортов кораблей, воины выжидали, не спрыгивали – никто не хотел быть первым. Между тем, троянцы приближались, еще немного, и с дистанции могли поджечь весь греческий флот. Что предпринимает Одиссей: кидает на песок свой щит и ловко спрыгивает на него. В полной уверенности, что не он первый, воин по имени Протесилай соскакивает на берег, однако в следующий момент, пронзенный вражьем копьём, падает замертво.

нику, Менелая, нанес величайшую обиду не кто-то из нас, а гость из-за моря – сын троянского царя Приама Парис. Воспользовавшись отбытием Менелая на остров Крит, на дедушкины похороны, Парис не только увел у него жену, но и прихватил несколько сундуков с сокровищами. (Кстати, Елена не очень-то сопротивлялась, Парис – мужчина хоть куда: и лицом хорош, и статью, и голосом сладок, и совместное будущее обрисовал столь радужное, что никакому женскому сердцу не устоять).

Вот тебе и Парис, сынок царский, любимец Афродиты... Вот тебе и Елена, дочь Величайшего из богов...

Менелай, прибыв домой и обнаружив пропажи – одушевленную и неодушевленную, – на какое-то время лишился рассудка.

– Негодяй! Ворюга бесстыжий! Я к нему, ко всем его братьям со всей душой, такой радушный прием устроил, а они... Тварь неблагодарная! Жену увел... Драгоценности в сундуках... Около половины всего моего запаса... Да я его... Я их всех, как тараканов... Я ничтожество это... О, только попадись мне в руки, Парис! О, только попадитесь мне в руки, воры троянские! О!!

Все это было, конечно, верно – неблагодарная тварь, ничтожество, – но следовало решить, что ж предпринять в создавшейся ситуации.

Рванул Менелай к братцу своему старшему, тоже царю-властителю, Агагемнону, и, давясь слезами обиды, пове-

дал о случившемся. По мере рассказа братец все более и более мрачнел. «Какая низость!» Дослушав рассказ до конца, в свою очередь выдал затяжную тираду, в коей упомянул всех Парисовых родственничков – и близких, и дальних, и мужчин, и женщин, – затем, простерши руки в сторону Олимпа, испросил: «О, боги, явите милость, помогите покарать троянцев, нанесших нам это неслыханное оскорбление». Выслушали боги Агагемнона, прониклись сочувствием и одарили сильной мыслью. После чего восприявшие духом братья стали созывать со всей Греции бывших Елениных женихов.

Как только те прибыли, пред ними с речью выступил Агагемнон. Сначала в ярчайших красках обрисовал содеянное ненавистным троянцем, а затем заявил:

– В соответствии с договором, мужи благородные, вы обязаны отомстить за попранное Менелаево достоинство.

– Договор? – удивились мужи, – О каком договоре речь? Агагемнон в свою очередь состроил недоуменную гримасу.

– Неужели забыли? – Обвел присутствующих подозрительным взглядом – в самом деле забыли, или прикидываются? – Ладно, напомню. Был меж вами договор: если кто посмеет обидеть Елениного избранника, то экс – женихи, объединившись, единым фронтом выступают против обидчика. А обидчик вот он – коварный, подлый Парис. Так что восходите, цари и герои, на корабли свои вместе с дружинами своими, и вперед, на восток, к берегам троянским. Уничто-

жим на корню воровское семя Приамовское, а заодно сотрем с лица земли их вотчину – ненавистную Троию! Кстати, да будет вам известно: город этот – один из самых богатых в Азии, и поживиться там найдется чем. На всех, поверьте, хватит.

Речь Агагемнонова вызвала в душах бывших женихов Елениных чувства, скажем так, неоднозначные. Встал один из нас (за давностью лет и не припомню кто) и сказал:

– Могущественный Агагемнон, мы внимательно прослушали тебя, теперь выслушай ты нас. Подлый вор Парис, попранное достоинство брата твоего Менелая, Троя, богатая и порочная, – все это правильно, только есть одно «но». В договоре, о котором ты нам только что напомнил, ведь как говорилось: если кто-то из нас... подчеркиваем: если кто-то из нас, женихов, черной завистью к Еленину избраннику движим, пожелает разрушить их семейное благополучие...

– Ничего подобного, – вскричали братья разом. – Не было в договоре таких слов: «если кто-то из нас»... Было: «если кто-то... вообще кто-то, неважно кто... обидит Елениного избранника»...

– Было! Было именно: «Если кто-то из нас, женихов...»

– Да нет же! – вновь перебили гостей братья. – Не было в договоре этих двух словечек: «из нас»...

– Было: «...из нас...»!

– Не было!

– Было!

Нет, даже множеству мужей не переспорить двух громо-

гласных упрямцев – Агагемнона и Менелая.

– Чем угодно поклясться мы готовы – не было! И давайте прекратим этот спор, недостойный благородных мужей.

Отошли в сторонку бывшие женихи Еленины, стали совещаться. Совещались долго, эмоционально, наконец, нахмуренные, возвратились на место.

– Ладно, сыновья Атрея, будь по-вашему, выступим вместе с вами единым фронтом против воровского гнезда троянского.

Братья аж просветлели лицами.

– Ну вот, другое дело, Я всегда верил в вас, друзья мои, – подвел итог Агагемнон, – в вашу честность и верность слову. И еще вот что скажу напоследок, уверен, вы со мной согласитесь: уж очень долго мы без войны, обросли жирком покоя и благополучия. Пирьы, охота, игры, хозяйский учет – скукотища. Скажу более: благородных мужей недостойно. Не жизнь, а прозябание. Так что собирайтесь, цари и герои греческие, в путь-дорогу дальнюю, и да пошлет нам Эол² попутный ветер.

* * *

К тому времени Одиссей уже был женат на Пенелопе, двоюродной Елениной сестре, и даже имел сына, маленького Телемаха. Можно себе представить, как воспринял он призыв

² Эол – властитель ветров в Древней Греции.

Агагемнона: все на войну, греки, отомстим за поправное достоинство одного из нас, разгромим воровской род Приамов, снесем с лица земли Троию!

Ну да, вот сейчас все брошу, распрощаюсь с женой, сыном, и на войну. Ради чего? Чтоб стать богаче? – Да и так не бедствую. Ради кого – ради Менелая? – Да кто он мне такой? Если нанес ему, везунчику-избраннику (а если называть вещи своими именами, невезунчику) обиду гость заморский, то с какой стати мне калечить жизнь свою, под меч троянский голову подставлять, – такой вид имели Одиссеевы рассуждения (и не только его, а большинства участников того жениховства).

Пораскинул мозгами Одиссей и решил прибегнуть к хитрости. Перед прибывшими в Итаку Менелаем и Агагемноном, а также Нестором и Паламедом он предстал в странном виде: из-под грязных спутанных косм горящий взгляд; вместо внятной, размеренной речи – бессмысленное бормотанье, дикие выкрики; тело прикрыто истлевшей дырявой рогожкой, такую последний раб не оденет. И чтоб высокие посетители полностью поверили в его безумие, Одиссей впряг в плуг вола и осла и с их помощью пытался вскопать поле, кое засеивал солью. Паламед, смекалкой Одиссею не уступавший, сразу раскусил его. Глядя на представление, лишь усмехался: ай да Одиссей, ай да ловкач... Ладно, говоришь ты безумен – тогда оставайся безумцем до конца. И положил перед ослом и волом сыночка Одиссеего, Телемаха. Не ожидал

хитроумный царь Итаки такой прыти от Паламеда, остановился. Паламед его стыдит: «Нехорошо, Одиссей! Как-никак ты царь, а ведешь себя подобно лицедею странствующему». А вслед за Паламедом мудрый старец Нестор голоском надтреснутым: «Договор есть договор, устный ли, письменный – не важно, и несмываемым позором покроет себя тот, кто его нарушит. Таков неписанный закон Греции».

Ну да, для Нестора война, считай, божий дар, развлечение в старости. Еще бы, на войне куда веселей, чем дома в обществе сварливой родни да курочек неугомонных:

– Ну-ка, курочки, цып-цып-цып, не разбежаться! Все на место, живо! Кому сказал!

Вот потому-то дед так радуется за войну, речи назидательные произносит.

Собираясь в путь, Одиссей от злости аж зубами скрежестал: ладно, Паламед, ладно, сегодня твоя взяла, но отныне нет у меня врага более ненавистного, чем ты, и месть моя, страшная, не заставит себя долго ждать. Уж я-то постараюсь, все силы приложу.

Однако подобраться к Паламеду, осуществить задуманное Одиссею удалось нескоро – через девять с лишним лет. Случаем воспользовавшись, подбросил он в шатер Паламеда мешок с золотом, а в придачу к мешку глиняную пластину с пояснительным текстом, из коего явствовало: золото передано троянским царем Приамом за полезные троянцам высказывания. (В самом деле, было такое, выступал Паламед

перед греками с речами, в коих ратовал за прекращение войны и возвращение на родину, но, разумеется, делал это не по наущению Приама).

А затем о мешке с золотишком Одиссей нашептал Агагемнону. Царь царей на сигнал прореагировал незамедлительно: обыскать шатер Паламеда! Обыскали – и точно: рогожкой прикрытый мешок, а в мешке золотишко и пояснительное письмо.

Чушь. Бред. Все, кто хоть мало-мальски знал Паламеда, понимали: не способен этот муж на измену. Ладно, даже если предположить невероятное, что золото с письмом не подложные, – да разве стал бы он хранить их в своем шатре? Нет, конечно! Золото спрятал бы на своем корабле, в каком-нибудь отдаленном уголке, а табличку глиняную с компрометирующим текстом зашвырнул бы в море, подальше.

Однако, несмотря ни на что, сработало. Такое частенько в жизни случается: обвинение хоть и самое абсурдное, но срабатывает.

Судьи, братья Агагемнон и Менелай, вынесли приговор: изменника казнить, причем, самым позорным способом – забить до смерти камнями; тело же не предавать захоронению – пусть насытятся им стервятники. Если же кто попытается предать тело земле, будет казнен в свою очередь.

До последнего момента не могли греки поверить, что свершится суд неправедный. Но свершился. «Истина, ты умерла, не родившись», – выкрикнул Паламед перед тем, как

пасть за смертью.

И я, Аякс, сын Теламона, прозванный греками Великий, со всеми вместе присутствовал при казни. Хотя и не был Паламед мне близким другом – так, обычные ровные отношения, – но возмущению моему не было предела. Оклеветать честнейшего мужа – как можно пасть так низко! В момент казни я чуть было не бросился к несчастному, не прикрыл своим телом – что ж вы делаете, соотечественники, опомнитесь! – но в последний момент сдержался.

Боги, остается надеяться, что кара ваша – чуть раньше, чуть позже – настигнет низких интриганов.

Однако сразу после казни, не таясь от чьих-либо взглядов, я предал тело несчастного земле. Плевать на ваш запрет, сыны Атрея, и на вас самих мне плевать. Желаете отправить меня вслед за Паламедом в царство Аида – отправляйте! Не боюсь.

Братья, о моем поступке узнав, были вне себя от злости, но казнить меня не решились. Еще бы: нервы воинов и без того на пределе, малейшая искорка, и вспыхнет пожар.

Вот как отомстил Паламеду наш хитроумный Одиссей. Эх, будь моя воля, я б этот его эпитет поменял на иной, более ему соответствующий: «подлый».

Произошедшее в корне изменило мое к нему отношение. Из почитаемого он в одночасье превратился в ненавистного. Ненавижу тебя, Одиссей!

А вот еще история с его участием.

Был среди нас некто Терсит. Простой греческий воин, скромный, малозаметный, ничем особым, тем более, сверхъестественным богами не наделенный, однако, именно он осмелился на всеобщем собрании озвучить интересы рядовых воинов, кои шли вразрез с интересами вождей. Хватит воевать, пора на родину, – вот что сказал Терсит. По сути дела, он повторил слова казненного Паламеда, но если Паламед мог себе позволить говорить что угодно – как-никак из знати греческой, – то этот... Немалым мужеством надо обладать рядовому воину, чтоб выступить с подобным заявлением.

– Надоела война, – рубя ладонью воздух, восклицал Терсит, – в коей вождям все – и добыча, и рабы, и невольницы, – а нам, рядовым воинам, – ничего. Жизнями своими рискуем, девять с лишним лет вдали от дома, от семей, в грязи и неудобстве, а ради чего?

И загудел народ, заволновался: правильно говорит Терсит, никакой нам пользы от войны. Опостылело! Сколько можно! Пора на корабли, и домой, в Грецию.

Какое-то время вожди пребывали в состоянии полной растерянности, даже главный из них, Агагемнон, не нашелся, чем возразить Терситу. В самом деле – чем?

Ситуация готова была, что говорится, выйти из под контроля, но тут в дело вмешался Одиссей. Подойдя к Терситу и ни слова не говоря, он ударил его по спине тяжелой буковой палкой. А затем еще раз. И еще раз, и еще, и еще... Бил сильно, несуетно, с оттяжкой. Spина на глазах стала лилово-синей, вспухла буграми. И тогда от боли, а еще более от обиды зарыдал бедный Терсит.

Не сомневаюсь, каждый греческий воин задавался вопросом: почему я здесь, в земле чужой, за что воюю? Украденная (точнее, соблазненная) женушка Менелая да похищенные сундуки с золотишком – разве стоят они наших страданий, рек крови, смертей... Вожди говорят нам: дело не в Елене, тем более, не в украденном золоте – тут важно иное: нанеся оскорбление одному греку, троянцы оскорбили всех нас. Всех, без исключения. Ладно, допустим. Ну а если предположить, что этим греком был бы не высокородный Менелай, а простой воин. Или пастух. Или землепашец. Как в таком случае повела б себя знать? Неужели тоже пошла войной на обидчика? – Вряд ли...

Как бы то ни было, но никто из воинов не кинулся на помощь Терситу, не отвел руку Одиссея, не пристыдил его: что ж ты делаешь, сын Лаэрта, за что избиваешь безвинного?

Одиссей. Насколько ранее он противился участию в войне, настолько позже стал активнейшим ее пропагандистом. Никаких «домой» пока не доведем войну до победного конца. Крепитесь, соотечественники, недолго осталось, победа

близка! – повторял и повторял Одиссей. Повторял в шатрах военачальников, в тихой беседе воинов у костра, на всенародных собраниях. Что являлось причиной столь удивительной метаморфозы? Думаю, тщеславие: уж коль я, Одиссей, на войне, и являюсь одним из руководителей греческого войска, то исход войны может быть лишь один – победный.

Итак, бедный Терсит лил слезы боли и униженности, молчали, понутив головы воины, молчал и я. Думал: хоть и неправ Одиссей, но негоже мне, одному из вождей греческих, в присутствии простых воинов выступать против него, такого же вождя.

* * *

Ну а следующая выходка Одиссея была направлена против меня лично. Вот при каких обстоятельствах это произошло.

Шел бой, один из самых кровопролитных боев десятого года войны: мечи бились о мечи, о щиты, вскрикивали сражающиеся, стонали раненные...

Но вот боги, наблюдавшие за происходящим с Олимпа, вынесли решение: быть сражению остановленным, и пусть Гектор, самый сильный из троянцев, вызовет на поединок любого из греков. Довели боги вердикт свой до оракулов, те, в свою очередь, до глашатаев, а последние во всю силу своих могучих легких возопили: остановитесь, мужи греческие и

мужи троянские, прекратите бой!

Непростое с технической точки зрения дельце – это ж попробуй в самый разгар битвы успокой разъяренные, обезумевшие толпы, разведи в разные стороны... Но получилось. Не без божьей, разумеется, помощи.

В наступившей тишине из рядов троянских вышел Гектор, и на многие акты вокруг³ разнесся его зычный голос: «Греки, пусть самый смелый и сильный из вас выйдет сразиться со мной, и результат поединка явит – на чьей стороне олимпийцы».

Разумеется, смелость Гектору придало отсутствие в наших рядах несравненного Ахилла, брата моего двоюродного. Обиженный на произвол главнокомандующего Агагемнона (наглейшим образом, без особой на то причины, сын Атрея забрал у него красавицу-наложницу), Ахилл на пару со своим закадычным другом Патроклом прервал свое участие в войне: ах, ты так, Агагемнон, законной наложницы меня лишать? – тогда повоюй без меня, блистательного.

Итак, кто сразится с Гектором, первым силачом троянским?

Молчат мужи греческие, цари и герои, переминаются с ноги на ногу, косятся по сторонам – кто же? А никто. Никто из рядов не выступит, не скажет: «Я! Я готов сразиться с Гектором».

И тогда к войску обратился Агагемнон.

³ Акт – древнегреческая мера длины, около двухсот метров.

– Соотечественники, – сдвинув густые брови, прошелся исподлобья по лицам воинов, – куда ж подевалась ваша смелость, ваша гордость! Неужели нет среди вас мужа, способного принять вызов этого задиристого, не в меру самоуверенного троянца. Куда ж подевалась ваша всегдашняя вера в превосходство греческого оружия?

Ну и далее, далее, в том же духе...

Однако, обращение его, громкое и эмоциональное, результата не возымело – как молчали мужи, так и молчат.

И тогда слово взял мудрый старец Нестор.

– Позор вам, воины, – произнес сипло. – Стыдно мне, пожилому человеку, за вас. Да будь я хоть на пяток лет моложе... да хоть на пару годков... ни секунды не сомневался бы, принял вызов троянца. Эх, что говорить... – махнул ладонью презрительно, – помельчал народ греческий, помельчал. Куда вам, нынешним, до нас братья...

Слушая гневные речи, я лишь посмеивался про себя. Разумеется, ни малейшей боязни перед Гектором я не испытывал (никого не боюсь, я, Аякс Теламонид, самый сильный после Ахилла), а голос не подавал потому лишь, что было интересно:

Почему молчит везунчик – невезунчик Менелай, из-за семейных неурядиц которого затеяна вся эта долгая, кровавая кампания;

Почему молчит Одиссей, более кого бы то ни было ратующий за продолжение войны до победного конца;

А сам Агамемнон – отчего б ему, царю царей, не сразиться с Гектором, не подать войску пример отваги?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.